

В те времена эффект от фильма «Душа песни» был поистине глобальным. Все профессионалы киноиндустрии и любители кинематографа были поражены рождением такого произведения. Как новый режиссёр, Лоу Юнжуй поразил зрителей своей грамотной режиссурой, смелой операторской работой и напряжённым повествованием, вызывая восторг у всех.

Точно так же, как начинающий актёр, Жун И с его мастерской игрой, напоминающей раздвоение личности, в сочетании с потрясающим светом создал персонажа настолько реалистичного и устрашающего, что это вызывало настоящий страх. Этот фильм принёс Лоу Юнжуй и Жун И престижные награды на европейских кинофестивалях, а также часто упоминался в учебных материалах крупнейших театральных школ по всему миру. Практически за одну ночь Лоу Юнжуй и Жун И стали именами, известными каждому в киноиндустрии.

Позже Лоу Юнжуй и Жун И снова сотрудничали в фильме «Окно пьяной ночи», который принёс Жун И ещё две награды на азиатских кинофестивалях категории А. Их дебютный проект стал взаимным успехом, а за шесть лет они дважды работали вместе, поддерживая при этом прекрасные личные отношения. Даже имя дочери Лоу Юнжуя было выбрано Жун И.

В отличие от Жун И, который постоянно снимался в новых проектах, Лоу Юнжуй был менее продуктивен, сняв за шесть лет всего три фильма, два из которых главные роли исполнял Жун И. Поэтому, когда продюсеры приглашали Лоу Юнжуя, вполне логично было учитывать и участие Жун И.

Так что, если уже пригласили режиссёра Лоу, то Цюй Хайяо вовсе не нужно было так отчаянно кричать и выпрашивать — Жун И, скорее всего, и так был бы приглашён NUERA на главную роль... Осознав это, сердце Цюй Хайяо похолодело.

Неужели я снова сделал что-то совершенно бесполезное и глупое?

Он больше не мог есть, чувствуя, как горло сжимается, а мозг словно разрывается на две части. Одна часть испытывала стыд за то, что эта ситуация стала известна Жун И, а другая наполнялась страхом.

Он боялся, что Жун И разозлится.

Линь Ци рассказывал ему о некоторых деталях прошлого между Жун И и Лю Цзяжэнем. Похоже, Лю Цзяжэнь хотел использовать какие-то грязные методы, но в итоге Жун И разбил ему голову бутылкой красного вина. Такой вспыльчивый характер был редкостью в шоу-бизнесе. Мог ли человек с таким характером принять то, что младший коллега таким наглым способом пытается выбить для него ресурсы и выгоду?

Что, если Жун И разозлится на меня? Что тогда делать?

— Теперь ты боишься, что я разозлюсь? Говорят, когда ты требовал у продюсеров, ты был готов на всё, — спокойно спросил Жун И, вытирая рот салфеткой. Цюй Хайяо хотел ответить, но слова застряли в голове, и он вдруг осознал одну вещь:

Как он узнал, о чём я думаю?

— Ты... т-т-т-ты... — дрожащим голосом произнёс Цюй Хайяо, обхватив голову руками и глядя на Жун И. — Ты умеешь читать мои мысли?

— Зачем читать мысли? Ты же всё написал на лице.

Цюй Хайяо снова потрогал своё лицо.

— Что я написал?

Длинные уголки глаз Жун И светились нескрываемой улыбкой. Он опёрся локтем на подлокотник стула, подперев подбородок рукой, и внимательно изучал выражение лица Цюй Хайяо.

— Написал... «Пожалуйста, только не злись на меня».

Ответ был абсолютно точным... Цюй Хайяо с горечью подумал, как же плохо он умеет скрывать свои мысли перед Жун И. Он жалобно посмотрел на Жун И и тихо спросил:

— Так... ты злишься на меня?

Жун И приподнял бровь, сделав вид, что задумался, но явно просто играл.

— Дай подумать... Что ты сделал такого, чтобы я разозлился?

Необъяснимо, но сердцебиение Цюй Хайяо, и так уже учащённое, стало ещё быстрее.

— Пока... ничего не приходит на ум, — в глазах Жун И, словно в озере, плескались волны, отражая свет, очаровательность которого он сам, вероятно, не осознавал. — Что бы ты ни сделал, я не буду злиться.

Цюй Хайяо почувствовал, что вот-вот упадёт в обморок от учащённого сердцебиения. Хотя слова звучали как обычный разговор или шутка, Цюй Хайяо был уверен, что никогда в жизни не слышал ничего более прекрасного. Если бы перед ним сейчас было зеркало, он увидел бы своё лицо, покрасневшее от чрезмерного волнения, глаза, влажные и сияющие от необычного возбуждения, словно в состоянии опьянения.

Это беспричинное, необъяснимое опьянение было похоже на настоящее алкогольное опьянение, распространяющееся через воздух, наполняя его дурманящим ощущением. Жун И, глядя на такие глаза и такое выражение лица, почувствовал, что и сам немного опьянел.

— Гэ...

Чёткий голос раздался в этом опьянённом состоянии, и Жун И слегка вздрогнул.

— Гэ, я действительно тебя люблю.

— Я действительно тебя люблю.

Голос Цюй Хайяо был таким чётким, но в этот момент, произнося эти простые слова, он словно испускал густой аромат алкоголя. Молодой человек, так прямо выразивший свои чувства, словно ударил Жун И током, отчего всё его тело онемело. Он замер на несколько секунд, затем опустил взгляд, избегая взгляда Цюй Хайяо, который был одновременно похож на взгляд оленёнка и льва.

Сердце Цюй Хайяо, ещё мгновение назад плававшее, вдруг окатило ледяной водой. Он смотрел, как Жун И встал, налил стакан лимонной воды и медленно выпил его, затем вернулся к столу и посмотрел на оставшуюся в миске Цюй Хайяо половину порции риса.

— Похоже, ты больше не хочешь есть? Какое расточительство...

И... это всё? Цюй Хайяо очень хотел схватить Жун И за руку, не дать ему уйти и, глядя ему в глаза, потребовать ответа. Но, похоже, только что сказанное «люблю» уже исчерпало весь его запас смелости. Он чувствовал несправедливость, но не мог позволить себе так агрессивно обращаться с Жун И.

Но если не требовать ответа... Полные сомнений и несправедливости чувства давили на Цюй Хайяо, не давая ему дышать. Долгое время любовь Жун И к нему была настоящей, и учащённое сердцебиение, которое он чувствовал каждый раз, когда они были вместе, тоже было настоящим. Те яркие моменты, те незабываемые чувства были настолько реальны, что Цюй Хайяо до сих пор вспоминал их с жаром.

А когда Жун И опускал взгляд, его длинные ресницы слегка дрожали, словно веер, скрывая в глубине глаз эмоции, которые он не хотел показывать Цюй Хайяо. Цюй Хайяо поднял взгляд на Жун И, а Жун И смотрел на его миску.

Цюй Хайяо вдруг решил рискнуть.

Он резко встал и положил руку на руку Жун И, лежащую на краю стола. Жун И на мгновение, казалось, растерялся, но быстро взял себя в руки, слегка приподняв уголок глаза и посмотрев на Цюй Хайяо.

— Ты не собираешься мне что-то ответить?

Он смотрел на лицо Жун И с очень близкого расстояния. Он был чуть выше Жун И, и с этого угла дрожание ресниц Жун И было ещё более явным.

— Какой ответ ты хочешь?

Жун И тоже смотрел на него, и в его глазах была не только уверенность, но и едва уловимая, хорошо скрытая отстранённость. Сердце Цюй Хайяо билось быстро. Теперь он уже не был тем новичком, который боялся даже заговорить с Жун И. Как он часто мог читать в глазах Жун И то, что тот не говорил вслух, так и сейчас, кажется, что бы Жун И ни скрывал, Цюй Хайяо всё замечал.

Он не знал, сможет ли он добиться желаемого результата, продолжая настаивать, но в этот замирающий момент, в мгновение ока он вдруг понял одну вещь: даже если он сейчас захочет взять свои слова обратно, вернуться к тому времени, когда он ещё не говорил о своих чувствах, это уже будет невозможно.

— Я хочу услышать, как ты скажешь, что тоже меня любишь.

Жун И, казалось, хотел отступить, но его рука была прижата рукой Цюй Хайяо, и их дыхание переплелось, словно Цюй Хайяо внезапно превратился в паука из пещеры шелкопрядов, без раздумий плетущего паутину и поймавшего в неё Жун И. Но такие вещи всегда знают только сами себя, и Жун И прекрасно понимал, что паук, плетущий паутину, был не только Цюй Хайяо, а пойманный в паутину — не только он сам.